

Л. В. Малиновский

ЖИЛИЩЕ НЕМЦЕВ-КОЛОНИСТОВ В СИБИРИ

Поселения немцев-колонистов начали возникать в Сибири в конце XIX в. Это были переселенцы с Южной Украины (главным образом из Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний) и с Нижней Волги. Они переселялись в Сибирь, а также в нынешний Северный и Восточный Казахстан, из старых немецких поселений, так называемых «колоний», возникших, в свою очередь, в конце XVIII — начале XIX в. в ходе иммиграции крестьян из германских княжеств — Вюртемберга, Бадена, Гессена, из Пруссии и т. д.¹ Это переселение производилось царским правительством (при Екатерине II, Павле I и Александре I) с целью заселения степей Южной России, откуда вытеснялись кочевые народы. Планомерно заселить эти степи русскими крестьянами не представлялось возможным: нельзя было удержать крепостного крестьянина на новом месте, в необжитой степи, не предоставляя ему в то же время личной свободы и экономических преимуществ по сравнению с другими помещичьими и даже государственными крестьянами, а это неизбежно привело бы к подрыву основ крепостнического порядка. Поэтому правительство в широких масштабах приглашало иностранных колонистов — немцев, французов, шведов, болгар, сербов и т. п. Однако больше всего было завербовано немцев, потому что раздробленная Германия с господствовавшей там жесточайшей феодальной эксплуатацией со стороны мелких и мельчайших князьков была незадолго до этого опустошена Семилетней войной. Не было недостатка в голодных и недовольных крестьянах, а также в мелких, земледельцах, развитие хозяйства которых сдерживалось феодальными рогатками.

Царское правительство предоставляло колонистам большие льготы: освобождение от рекрутчины, временное освобождение от налогов, большие наделы (до 60—65 десятин), долгосрочные кредиты и т. д.

Особенности землевладения и правовое положение немцев-колонистов, которые жили изолированно от окружающего русского и другого населения и не знали крепостного права, привели к ускоренному развитию капитализма в немецкой деревне. Развитие товарного зернового хозяйства (начиная с 1860-х годов) и усилившееся в связи с этим расслоение крестьянства вызвали широкое переселенческое движение. Особенно развилось оно в годы столыпинщины. Так, если первые немецкие поселки в степях Западной Сибири возникли около 1890 г., то большинство их было основано там (нынешний Алтайский край, Омская и Новосибирская области) в 1907—1909 гг.²

Переселившись в Сибирь, немецкие колонисты сохранили ряд своих локальных особенностей. Каждая группа продолжала говорить на своем диалекте, вывезенном их предками из феодальной Германии, придерживалась своей религии или секты. Браки заключались первоначально только внутри группы, колонисты придерживались установившегося в данной группе порядка землепользования, наследования земли и имущества и т. д.³ Поэтому немцы расселились в Сибири тоже отдельными, зачастую строго обособленными группами.

Искусственная изоляция немецких поселков от русских и украинских (некоторые законы царского правительства ограничивали общение немцев с русским населением, так как правительство и церковь опасались влияния немецкого сектантства на право-

¹ Исследуя в 1920-х годах немецкие колонии Украины и Крыма, советские лингвисты установили там наличие нижненемецкого, рейско-пфальцкого, гессенского, швабского, севернобаварского и других диалектов (см. В. М. Жирмунский, Этнографическая работа в немецких колониях Украины и Крыма, «Этнография», 1927, № 2, стр. 231—233).

² Из 57 немецких деревень Славгородского уезда только одна была основана в 1890 г., остальные — в 1907—1910 гг. («Deutscher Arbeiter- und Bauernkalender», М., 1924, S. 193—194).

³ В смешанных поселках в Сибири позднее наблюдалось смешение диалектов, образование общего разговорного языка данного селения, взаимный обмен традициями и т. п. Но эти процессы характерны для более позднего времени, они не могли происходить непосредственно при переселении.

славное русское население) плюс их естественная изоляция в сравнительно малонаселенных степях способствовали сохранению языковых и других особенностей отдельных групп вплоть до XX в.⁴

В процессе переселения в Сибирь происходило иногда смешение этих мелких групп немецкого населения, в одном и том же немецком поселке селились немцы и разных мест. Примером такого поселения может служить с. Цветное Поле Чистоозерного района Новосибирской области, где вместе поселились переселенцы из Херсонской, Черниговской, Саратовской и других губерний⁵. В с. Солнцевке Исиль-Кульского района Омской области обосновались переселенцы преимущественно из Екатеринославской и Таврической губерний, а также из немецких колоний Оренбургской и Уфимской губерний (это было уже вторичное переселение).

Выравниванию местных и групповых особенностей мешали (тогда еще очень ярко выраженные) религиозные перегородки между отдельными группами. В то время как переселенцы с Нижней Волги и из некоторых местностей Юга были лютеранами (католиков среди них было сравнительно мало), большая часть переселенцев с Юга Европейской России были сектантами-меннонитами и баптистами различных толков. При этом, например, «меннониты церковной общины» селились отдельно («меннониты братской общины», только к концу переселенческого движения появились совместные поселения тех и других. Это становится понятным, если учесть, что классовые противоречия в немецкой деревне XIX в. выражались преимущественно религиозной форме, с образованием новых сект (например, «гюпферы», «братская община» и др.).

Так как в Западной Сибири преобладали переселенцы с Юга Европейской России, ко времени революции и гражданской войны на территории Славгородского уезда до 70% немецкого населения принадлежало к различным меннонитско-баптистским группам, в других местностях Западной Сибири они составляли до 50% немецкого населения.

Различия между отдельными группами колонистов не ограничивались областью религии, а глубоко проникали в экономику, быт и самосознание отдельных групп. Так, южнорусские меннониты не знали общинного землевладения русского типа (с передачами земли) и после переселения в Сибирь, получив землю по душе, настойчиво добивались и добились перехода на подворное владение землей⁶. В противоположность им, волжские колонисты еще в начале XIX в. восприняли русскую систему землевладения⁷. Соответственно на Юге, как и в Сибири, сильнее и свободнее развивался капитализм, шире применялась механизация в сельском хозяйстве, чаще использовался наемный труд и т. п.

Экономика, в свою очередь, влияла на быт, культурный уровень крестьянства и т. д. Так, грамотность в меннонитских деревнях и до революции была почти всеобщей⁸, хотя и носила религиозный характер.

С языковыми и бытовыми особенностями связано и национальное самосознание отдельных групп немецкого населения. Немцы Советского Союза, на протяжении 200 лет не контактировавшие с группами населения в Германии одного с ними происхождения, не ощущают себя, естественно, членами единого национального целого. Их положение в этом отношении отличалось и прежде от положения, например, бывшего немецкого национального меньшинства в довоенной Польше, Чехословакии и т. д., гораздо теснее связанного с Германией. Правда, они называют себя «немцами» (Deutsche), но жителей Германии именовали и именуют «германцами» (Deutschländer). С другой стороны, меннониты часто, ссылаясь на свои языковые и бытовые особенности, считают себя не немцами, а «меннонитами по национальности» или даже голландцами⁹. При создании немецких сельсоветов в Западной Сибири в 1920-е годы возникали даже затруднения при объединении немцев и «меннонитов» в общих административных единицах.

Учитывая все сказанное, попытаемся показать на материалах, собранных в 1963—1965 гг. в Новосибирской области (было обследовано восемь немецких деревень в

⁴ Эти особенности до сих пор сохраняются не только в Сибири, но и в немецких селах Западной Украины. См., например, В. И. Наулко, Современный этнический состав населения Украинской ССР, «Сов. этнография», 1963, № 5, стр. 55.

⁵ Воспоминания Боннета, жителя с. Цветное Поле, Гос. архив Новосибирской обл. (далее ГАНО), ф. 536, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁶ «Deutscher Arbeiter- und Bauernkalender», S. 189.

⁷ D. Schmidt, Studien über die Geschichte der Wolga-Deutschen, Pokrowsk, 1930, S. 56.

⁸ ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 562, л. 21; подтверждается также материалами обследования немецких деревень Омской области и Алтайского края в 1965—1967 гг.

⁹ Такие заявления нам приходилось слышать в Татарском районе Новосибирской области и в Омской области еще в 1964—1965 гг.

различных районах), как развивалось в прошлом и как развивается теперь жилище немецких крестьян-колонистов в Сибири.

Мы выделяем жилище как предмет изучения в силу двух обстоятельств: во-первых, именно в Сибири (как, впрочем, и в Северном и Восточном Казахстане и на Южном Урале) сохранились поселения немцев-колонистов, основанные еще до революции. Во-вторых, именно жилище является наиболее устойчивым элементом материальной культуры в силу длительности его существования и пользования им. Так, если одежду немецких колонистов начала XX в. мы можем ныне изучать только по фотографиям, музейным экспонатам и воспоминаниям, то жилища первых поселенцев зачастую еще сохраняются в сибирских немецких деревнях (хотя они часто уже не исползуются под жильем или подверглись некоторой перестройке).

Прежде чем говорить о типе жилища немецких колонистов в Сибири, заметим, что немецкое крестьянское жилище претерпело значительные изменения уже при переселении немцев-иммигрантов из Германии в Россию в XVIII в. На это повлиял как характер местности (гористой в Юго-Западной Германии и равнинной в Южной России), так и, в первую очередь, скудость традиционного материала для немецких крестьянских домов — камня и леса — в южных степях. Во всяком случае, мы нигде не видим типичных для Германии крестьянских домов с внутренним двором (Hallenhaus), куда могли заезжать повозки, вокруг которого группировались жилые и производственные помещения и т. д. Типично расположение помещений «в линию» или «крестом». Первое встречается в Германии преимущественно у сорбов (лужичан)¹⁰ и в Восточной Германии, где тоже можно предположить славянское влияние¹¹. Линейное расположение помещений у фризов встречалось лишь в хозяйственных постройках, амбарах (Barg)¹². Трудно на основании имеющихся данных сделать вполне определенный вывод о влиянии славянских или фризских форм на жилище колонистов, так как этот вопрос осложняется неоднократными переселениями еще в пределах Германии. Крестообразное расположение помещений, типичное для кулацких домов начала XX в. и для большинства современных построек немцев-колхозников, распространилось, по-видимому, под позднейшим влиянием городской культуры¹³.

Значительную роль сыграли также строгие инструкции царских чиновников, предписывавших колонистам определенную планировку сел, расстановку домов и пр. Поэтому вместо типичной для Западной Германии кучевой формы поселения (Hauferdorf) получалась линейная (Strassendorf), типичная для немецких деревень России¹⁴.

С другой стороны, немцы не восприняли русское крестьянское жилище (хотя царские чиновники и предоставляли им поначалу в отдельных случаях такие «казенные дома»¹⁵, а выработали свой собственный тип (или, скорее, типы) жилища, сочетая национальные традиции с имевшимся в степях строительным материалом. В постройках немецких поселенцев-колонистов в Сибири можно видеть, прежде всего, такие национальные особенности, как расположение дома по отношению к улице и его планировка, объединение всех помещений под одной крышей (в отличие от построек крестьянина-сибиряка), отсутствие типичной русской печи, своеобразная конструкция крыши в глинобитных домах, окраска потолка, конструкция и окраска пола, печей, наличие особых коптилен в доме или вне его и т. д.

Так как постройки отдельных групп немцев-колонистов в Сибири отличаются своеобразными чертами, мы попытаемся показать на примерах типичные постройки для различных групп — меннонитов, переселенцев из Поволжья, выделить по возможности особенности построек для отдельных групп в немецкой деревне.

Материал собран нами при обследовании немецких деревень Новосибирской области. Возьмем типичное для Кулундинской степи село Орловка Купинского района. Основано оно в 1910 г. переселенцами из Таврической, Херсонской, Черниговской

¹⁰ W. Peßler, Handbuch der deutschen Volkskunde, B. 11, Potsdam, S. 239; «Meyers Neues Lexikon», B. I, «Bauernhaus», Leipzig, 1961, S. 561.

¹¹ «Meyers Konversations-Lexikon», 5. Auflage, Leipzig, 1897, B. II, S. 571. Fig. 7.

¹² W. Seedorf, Arbeitsbräuche in der Landwirtschaft, Potsdam, B. II.

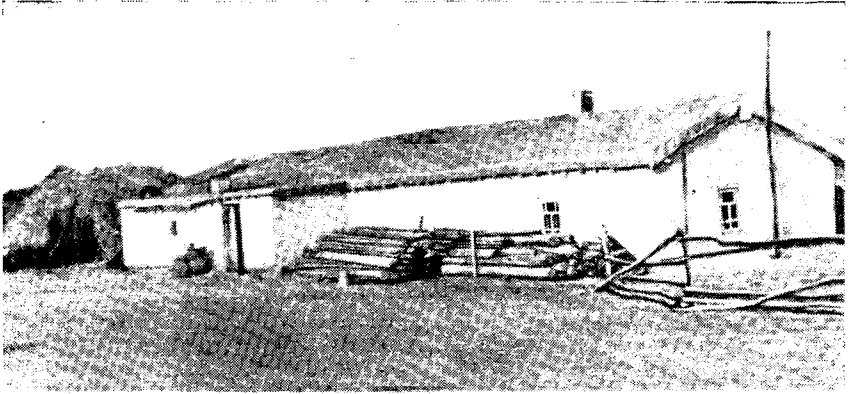
¹³ Вопрос о соотношении типов жилища колонистов с жилищем крестьян в Германии очень сложен, так как, например, группа меннонитов по пути в Сибирь переселялась не менее трех раз, оставаясь по 100—150 лет на каждом месте и испытывая различные влияния, вплоть до приобретения другого диалекта. Поэтому и В. М. Жирмунский в своей работе («Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР», «Сов. этнография», 1933, № 2) очень осторожно подходит к этому вопросу. Это, несомненно, тема для особой работы.

¹⁴ См. там же, стр. 110.

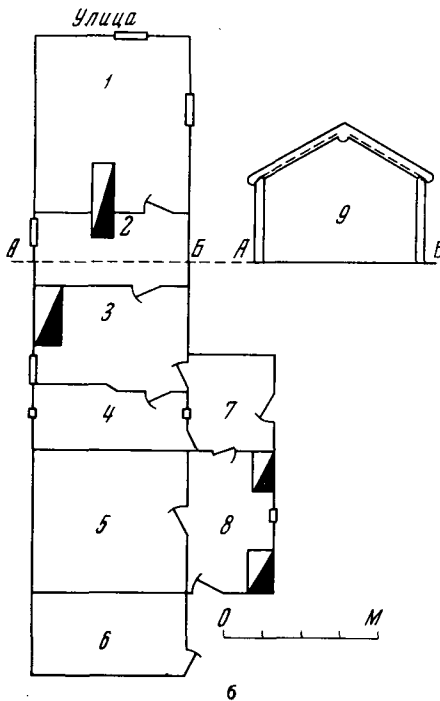
¹⁵ Немцы называли их «Kronshäuser», т. е. «коронные дома», предоставленные царской властью и построенные по русскому или украинскому образцу. См. фотографию такого дома, построенного в 1810 г., в «Handbuch der Deutschen aus Russland» (Stuttgart, 1962, S. 40).

и Саратовской губерний, наиболее многочисленны и влиятельны были здесь меннониты с р. Молочной Таврической губ. (их было больше, их диалект был преобладающим).

В настоящее время сохраняется не только общая планировка села, но и отдельные постройки переселенческих времен, а также дома крестьян, построенные еще в доколхозный период. Характерны для этого села, как и для других немецких сел степной Сибири, дома двух типов.

а

б

Рис. 1. Дом колхозницы Ш. Шютц в селе Орловка Купинского района. а — внешний вид; б — план: 1 — жилая комната, 2 — зимняя кухня, 3 — летняя кухня, 4 — кладовая, 5 — коровник, 6 — сеник (дровяник), 7 — пекарня (копильня), 8 — сени, 9 — разрез по А — Б

1. Глинобитный дом (в первые годы поселения в Сибири это были даже дома, сложенные из дерновых плит, так называемые «пластанки») с линейным расположением помещений, поставленный узким фронтоном к улице. Это так называемый фронтонный дом (Giebelhaus), широко распространенный в Германии; так расположено большинство двух- и трехэтажных домов даже в городской застройке средневековой Германии, не говоря о крестьянском жилище.

В типичном для первого периода заселения Сибири колониستمом доме в один ряд (см. план на рис. 1) расположены последовательно жилая комната (Wohnstube), зимняя кухня (Winterküche), летняя кухня (Sommerküche), кладовая (Kammer), коровник (Stall) и сеник (дровяник) (Heuboden), причем сбоку пристраиваются только

подсобные помещения — пекарня-копильня (Backhaus) и сени (Vorhaus). В прежние времена у меннонитов сзади дома вместо маленького коровника на две-три головы скота строился более длинный коровник, за которым пристраивался еще сарай, для повозок и машин (Querscheupe), расположенный, в отличие от прочих помещений, поперек оси дома. В настоящее время такие сараи нам обнаружить не удалось, они уже не нужны для хозяйства колхозника.

Общая длина обычной постройки, при ширине около 4 м, доходит до 16—18 м. Двускатная крыша объединена с потолком в единое перекрытие, покоящееся на одной матице (Durchzieher), целой или составной, проходящей через всю постройку или, по меньшей мере, через жилые помещения. Она опирается на переднюю и заднюю стены и на перегородки (в старых домах нередко ставятся дополнительные подпорки), а на нее опираются поперечные перекладины, выступающие внутри помещения в виде ребер перекрытия (Überleger). Потолок обмазывается глиной и белится, иногда покрывается узором (покраска напыском, на воде). Крыша большей частью дерновая или глинобитная, пол земляной, глинобитный.

Печь в таком доме, типичном для жилища бедного крестьянина, обычно ставилась вдоль дома между жилой комнатой (1) и кухней (2), в кухне имелся небольшой очаг (плита), а в жилой комнате — обогревающая ниша с котлом или плитой. Вторая печь расположена обычно в углу летней кухни (иногда вдоль, в центре дома, так же, как и первая), зимой этой печью не пользуются, отапливаются только два передних помещения. Отдельно в пристройке (или иногда на улице) расположены печи для выпечки хлеба и для копчения продуктов животноводства. В последнее время хлебная печь часто устраивается в зимней кухне, а на ней располагается плита либо ниша с плитой.

Бокковые пристройки, связанные дверями, дают возможность проходить в коровник и сеник, не выходя на улицу, иногда в сенях помещается и колодец, все это очень удобно для ухода за скотом зимой. Внутренние двери часто двустворчатые, со стеклами, наружные двери в кладовую, хлев и другие помещения — одностворчатые со щеколдами (Klipke), открывающимися как изнутри, так и снаружи (дверь захлопывается сама, открывается при нажатии на рычажок, торчащий снаружи над скобой). Двери большей частью окрашиваются в темный цвет (коричневый, «под дуб», теперь иногда зеленый). Толщина стен доходит до 80—90 см, для внутренних перегородок — до 60 см. Окна маленькие, размером около 50×60 см, так что при большой толщине наружных стен очень много света теряется в глубоких оконных нишах.

2. Саманный четырехкомнатный дом — типичная постройка богатого крестьянина-колониста. Здесь помещения расположены уже не последовательно, а «крестом», вокруг одной главной печи с очагом (плитой). Кроме того, могут быть другие печи с нишами или вмазанными котлами для дополнительного отопления, выпечки хлеба, приготовления кормов или перетопки сала. Помещения расположены таким образом (план на рис. 2), что в сторону улицы обращены две жилые комнаты, третья примыкает к ним сзади, так же как и кухня, выход из которой ведет в сени. Кладовая здесь большей частью уже не занимает всей ширины дома, на выходе пристраивается иногда еще небольшое крыльцо. Вход в коровник и сеник (дровяник) — из сеней, что обеспечивает уход за скотом зимой без сооружения дополнительных пристроек. Окна в таких домах значительно шире и выше, чем в домах бедняков, внутренние двери — двустворчатые, потолки дощатые, плоские, крашены масляной краской, пол в жилой комнате деревянные (Bohlen), а в остальных — земляные (Lehmboden). В таком состоянии обследованный дом был до революции, в настоящее время полы настелены во всех комнатах, крыша перестроена по современному типу.

Мы показали типичные постройки этой деревни на примере двух домов — колхозницы Ш. Шютц (рис. 1) и колхозника Г. Зильбернагеля (рис. 2). Первый дом выстроен до революции, в 1924 г. к нему лишь была пристроена летняя кухня. Построен он по тому же типу, что и один из сохранившихся здесь домов первых переселенцев (ныне нежилое помещение колхозника Д. Геринга) — с последовательным расположением большинства помещений. В с. Орловка имеется 49 домов этого типа (7 из них уже нежилые).

Старых домов второго типа («крестовых») в Орловке 11, они еще не перестроены, описанный нами дом Зильбернагеля построен в 1909 г. По этому типу сооружают себе дома большинство колхозников местного колхоза им. Тельмана. К концу 1963 г. новых домов было построено 21, половина из них — четырехкомнатные, остальные — в две-три комнаты с кухней. Таков, например, саманный дом колхозника Д. Геринга, построенный в 1963 г. (план и фото на рис. 3) — к жилой комнате и кухне пристроены сзади летняя кухня и кладовая. Коровник и сеник-дровяник расположены отдельно от дома, но это не правило, а скорее исключение, вызванное тем, что при перестройке старого дома не стали ломать имевшиеся помещения, часто и в новых домах они пристраиваются вплотную к дому.

Если сопоставить площадь основного жилого помещения этого сравнительно скромного дома для небольшой семьи с дореволюционной мазанкой (дом Ш. Шютц),

то оказывается, что жилая площадь (отапливаемая зимой) здесь больше почти вдвое (26 и 50 м²), хотя и не достигает площади большого крестьянского дома старого типа, рассчитанного на большую семью (70 м²). Новый дом механизатора Екеля из совхоза «Советская Сибирь» того же района имеет, например, площадь 60 м² (рис. 4). Соотношение площади окон к площади пола (в %) таково: дом Шютц — 3,85; дом

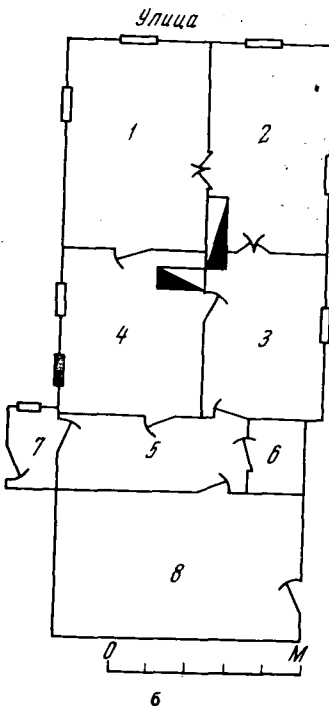
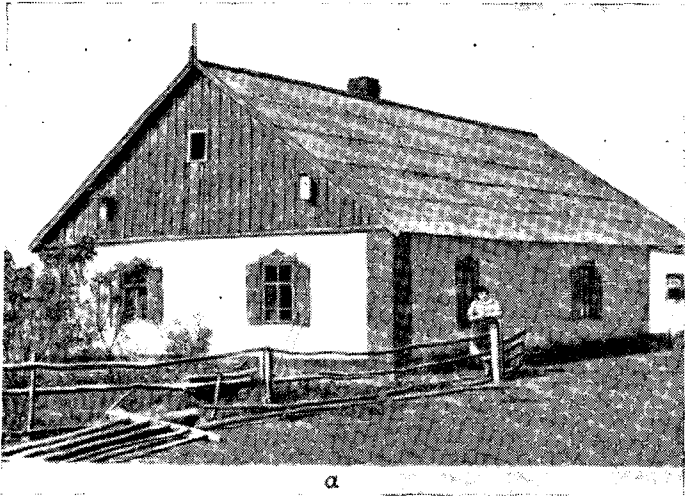

Рис. 2. Дом колхозника Г. Зильбернагеля в селе Орловка Купинского района, построенный в 1909 г., а — внешний вид; б — план. 1, 2, 3 — жилые комнаты, 4 — кухня, 5 — сени, 6 — кладовая, 7 — крыльцо, 8 — коровник и сеник (дровяник)

Зильбернагеля — 7,14; дом Геринга — 10, т. е. световая площадь нового дома в 2,5 раза больше, чем в мазанке, и в 1,5 раза больше, чем в старом доме зажиточного крестьянина (даже если не учитывать того, что окна в доме Зильбернагеля тоже после революции несколько увеличены).

Эти два типа домов представляются нам типичными для всех поселков немцев — переселенцев из Южной России, небольшие отступления в расположении печей и под-

собных помещений (справа или слева от основных) не меняют дела, типы домов весьма устойчивы. Как особую черту следует отметить роспись печей «под изразец» с разрисовкой каждого поля под линейку или по шаблону симметричными узорами.

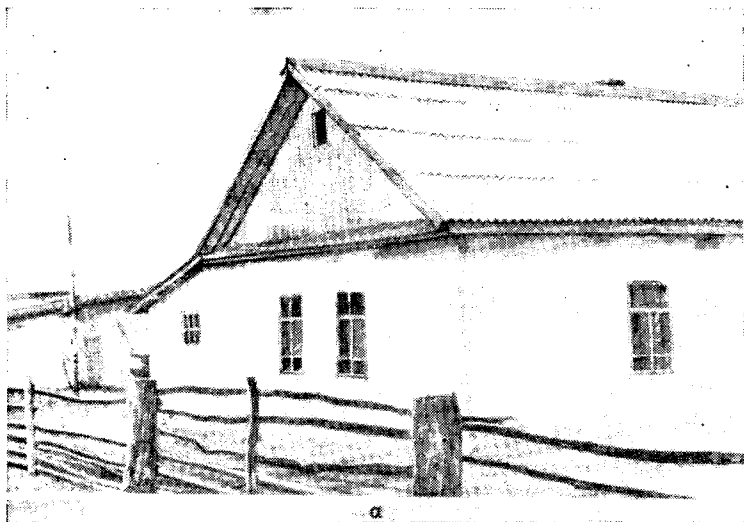
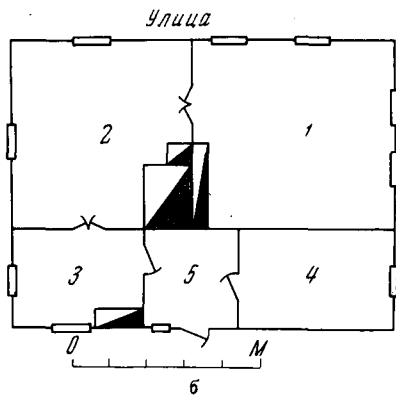

Рис. 3. Дом колхозника Д. Геринга, построенный в 1963 г. а — внешний вид; б — план: 1 — жилая комната, 2 — кухня, 3 — летняя кухня, 4 — кладовая, 5 — сени

Шаблоны складываются из бумаги и вырезаются ножницами, иногда, особенно в простенках, на стойках и пр. расписывают стену «волнами» или делают разноцветный напыск. Характерна также темная (черная или темно-коричневая) окраска нижней половины печей, плит, очагов. Печи с росписью распространены во многих немецких селах, но встречаются уже не часто. Расписанная печь может стоять без побелки около двух лет, но для росписи требуется много времени.

В новых домах немцев-колхозников печи различного типа нередко объединяются вместе; так, в доме Г. Екеля, кроме традиционной «немецкой» печи, имеется печь для выпечки хлеба, в шестке которой расположена небольшая плита. В доме Д. Геринга стенообразная немецкая печь с жаровыми нишами объединена в одно целое с хлебной печью и плитой, что придает ей внешнее сходство с русской печью, однако без характерного сводчатого устья, с иным расположением дымоходов и самой печи в доме.

Резко отличаются от этих двух типов дома переселенцев с Нижней Волги. Примером такого населенного пункта может служить с. Октябрьское Карусукского района Новосибирской области, заселенное в 1908—1912 гг. переселенцами из с. Кратска Камышинского уезда Саратовской губернии. Эти переселенцы были не только крестьянами-бедняками с нагорной стороны Волги, но и ткачами-надомниками. За редким исключением, здесь почти не видно домов фронтонного типа, все дома расположены осью вдоль улицы. Окнами на улицу выходит не одно, а два помещения — жилая комната и кухня. Сзади пристроена летняя кухня, фактически обширная кухня-

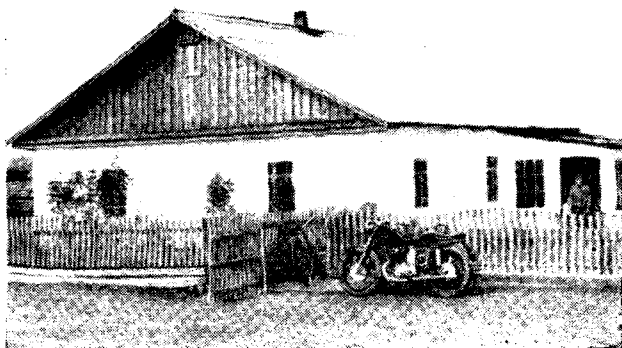

Рис. 4. Дом рабочего совхоза «Советская Сибирь» Г. Екеля, построенный в 1957 г., Купинский район

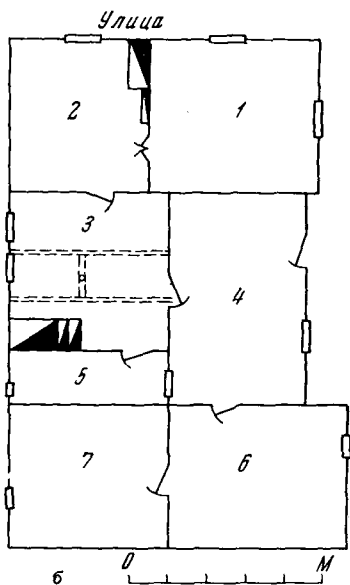

Рис. 5. Дом рабочего совхоза Я. Шнайдера в селе Октябрьское Карасукского района, построенный в 1954 г. а — внешний вид; б — план; 1 — жилая комната, 2 — кухня, 3 — кухня-столовая, 4 — сени, 5 — кладовая, 6 — коровник, 7 — сеник (дровяник)

столовая и сени, за которыми расположены хозяйственные помещения (фото и план на рис. 5). В отличие от домов южных колонистов, здесь матицы направлены параллельно улице, в том числе и матицы в летней кухне, которые, ввиду значительных размеров помещения, дополнительно опираются на Т-образную подпорку.

Домов такого типа, как описанный нами дом тракториста совхоза Я. Шнайдера, в с. Октябрьском около 40%, современных четырехкомнатных домов II типа («крестовых») — 50% и глинобитных домов старого переселенческого типа — менее 10% (и эти дома поставлены не поперек, а вдоль улицы, планировка их, в основном, такая же, как и в доме Шнайдера). Следовательно, и здесь дом нового типа, «крестовый», с ростом благосостояния явно вытесняет более примитивные жилища прежнего периода.

Но и в современных постройках сохраняются определенные традиционные черты жилища немцев-колонистов, прежде всего планировка, окраска и конструкция отдельных элементов (например, двери, запоры). Так, в меннонитском селе Неудачно Татарского района все дома, кроме одного, перестроены, покрыты новыми крышами, в некоторых домах установлено водяное отопление, появились телевизоры и другие приметы современного быта. Но одновременно сохраняются такие типичные особенности построек, как врезанные в печи котлы, отдельные коптильные и хлебные печи и т. п.

На строительство оказывают влияние не только современные образцы, оборудование и т. п., но и климатические условия Сибири. Так, если для с. Цветное Поле вплоть до 1930 г. были характерны дома «херсонского» типа, фронтонные, где ось постройки была перпендикулярна улице и тем самым направлению господствующих ветров (улицы этого села направлены с запада на восток), то сейчас таких домов осталось здесь не более 10%. Оказалось, что в условиях многоснежной Сибири, при открытом положении села в степи, такие дома были более подвержены снежным заносам, чем дома, расположенные вдоль направления ветров. Определенную роль сыграло, по-видимому, и то, что здесь уже были стоявшие «вдоль ветра» дома волжан, по их примеру и переселенцы с Юга при перестройках «повернули» свои дома. Это тем более показательно, что в расположенном неподалеку с. Орловка (см. выше) такого поворота не произошло, хотя улицы и там ориентированы в том же направлении.

Влияние характера строительного материала на национальные традиции лучше всего видно на примере с. Шенфельд Карасукского района Новосибирской области, которое почти полностью перестроено за последние годы. Так как это село представляет собой отделение совхоза, а рабочим на льготных условиях продавались разборные «финские» домики, большинство домов сооружено из готовых деталей и местные черты могли проявиться лишь в отделке, покраске и пр. Так, высота помещений, окон, конструкция дверей, потолков резко отличается от аналогичных элементов старых домов того же села. Лишь конструкция печей еще сохраняют местные черты (наличие жаровых ниш, темная окраска низа печи), ибо печи, естественно, строились местными мастерами. Даже традиционная окраска потолков в темный цвет здесь не сохранилась, она требует более ровных, струганных досок, а не тесовых потолков, предназначенных под штукатурку.

Само собой разумеется, что развитие жилища и всей культуры немцев-колонистов в Сибири идет параллельно общему подъему благосостояния и культуры сельского населения СССР в целом. Особенно ярко это проявлялось в период 1955—1958 гг., когда благодаря освоению целины и резкому росту доходов колхозов и совхозов в сибирской степи у жителей немецких деревень появилась возможность обновить свое жилище. Многие немецкие деревни (например, Гришковка в Славгородском районе Алтайского края, Ананьевка в Кулундинском районе того же края и т. д.) были заново перестроены. Старые глинобитные и саманные дома были снесены или превращены в подсобные помещения, как мы это видели в с. Орловка. Преобладающим становится дом современного типа, такой, как, например, дом механизатора Г. Екеля из совхоза «Советская Сибирь» Купинского района Новосибирской области (рис. 4).

Параллельно идет бурный процесс развития материальной культуры. В немецком селе широко распространились ныне не только сепаратор, швейная машина, велосипед, радиоприемник, но и мотоцикл, легковая автомашинa, стиральная машинa и телевизор.

Однако именно этот бурный рост культуры ставит перед этнографами задачу срочного изучения отживающих форм национальной материальной и духовной культуры со всеми ее местными особенностями. Мы попытались сделать это на ограниченном материале, собранном нами по жилищу немцев Западной Сибири. Перспективой на будущее остаются более широкие исследования (в том числе на Алтае и на Южном Урале) с последующей картографической разработкой, изучение отдельных элементов строительной техники и технологии сельского строительства, сопоставление их с материалами по истории крестьянского жилища в Германии и на Украине, изучение проблемы взаимного влияния традиций немцев, украинцев и русских на технику сельского строительства. Этот вопрос тем более актуален, что на протяжении всей истории немецких поселений в Сибири и Приуралье, насколько нам известно, не появлялось никаких исследований по этой теме.